

КОНЦЕПТ, КОНЦЕПТА, КОНЦЕПТУ: МОДНЫЙ ДИСКУРС НА НЕЗАДАННУЮ ТЕМУ

Причина «концептуального поворота» в российской когнитивной лингвистике, произошедшего на рубеже веков, предположительно, кроется в исчерпанности предметной области традиционной лингвистики, стоящей на позициях объективного реализма и порожденного им языкового мифа. Тем не менее, предметная область концептуальных исследований остается смутной и неопределенной, поскольку они продолжают исходить из неадекватных эпистемологических установок, игнорируя биологию познания и языка.

Ключевые слова: концепт, структуры знания, объективный реализм, живые системы, биология познания.

Кравченко О.В. Концепт, Концепту, Концептам: модный дискурс за незаданую тему. *Причина «концептуального поворота» у російській когнітивній лінгвістиці, що відбувся на зламі століть, за припущенням, полягає у вичерпності предметної галузі традиційної лінгвістики, яка стоїть на позиціях об'єктивного реалізму та породжуваного ним мовного міфу. Проте, предметна сфера концептуальних досліджень залишається невиразною та невизначеною, оскільки вони продовжують виходити з неадекватних епістемологічних припущень, ігноруючи біологію пізнання і мови.*

Ключові слова: концепт, структури знання, об'єктивний реалізм, живі системи, біологія пізнання.

Kravchenko A. V. CONCEPT-NOM, CONCEPT-GEN, CONCEPT-DAT: Fashionable Discourse on an Unspecified Theme. *The «conceptual turn» in Russian cognitive linguistics at the turn of the century was caused, it is suggested, by exhaustion of the field of study of traditional linguistics which leans heavily on philosophy of external realism and the language myth spawned by it. At the same time, the object of studies in conceptual explorations remains vague and underspecified as they continue to rely on inadequate epistemological assumptions, ignoring the biology of cognition and language.*

Keywords: concept, knowledge structures, external realism, living systems, biology of cognition.

1. «Буря мглою небо кроет»

«Концептуальные ветры», отмеченные на климатической карте российской лингвистики на рубеже веков, превратились в настоящий циклон, воцарившийся над значительной территорией. Более того, этот затянувшийся циклон уже рассматривается многими как сформировавшаяся климатическая зона, начинающая оказывать самое непосредственное влияние на все, что в этой зоне произрастает. Нередки случаи, когда изучение концептов провозглашается целью когнитивной науки, а сами они рассматриваются как универсальная отмычка к любой проблеме, связанной с толкованием тех или иных «фактов» языка.

Когда концептуальное поветрие еще только набирало силу, отдельные члены лингвистического сообщества пытались проявить осторожность и здоровый скепсис, которые обычно присущи вдумчивым исследователям. Они обращали внимание на то, что *концепт* – категория мыслительная,

ненаблюдаемая, что «дает большой простор для ее толкования» [26, 9], и сетовали на то, что термин «значение» уходит на периферию лингвистических исследований, «так до конца и не выяснив отношений с вытеснившим его концептом» [18, 27]. Этот справедливый упрек не утратил своей актуальности несмотря на то, что лингвистические издания наводнены публикациями о концептах, а изучение ненаблюдаемых категорий возведено в ранг самостоятельной научной дисциплины — концептологии [см. 6]. Более того, авторы, предостерегавшие в свое время против необдуманной экспансии ставшего модным дискурса на тему концепта, сами не смогли устоять перед соблазном, пополнив ряды концептологов [см. 26; 19], и уже делаются заявления о том, что лингвоконцептология получила признание в методической науке [22].

Примеров определения концепта можно привести множество. О том, насколько эти определения расплывчаты, непоследовательны и внутренне противоречивы, мне уже приходилось говорить [см. 9; 11], поэтому отмечу лишь то общее, что присуще разным определениям: концепт рассматривается как некая ментальная единица, оперативная единица сознания, определенным образом структурированная, обладающая набором признаков и объективированная в языковой форме. В рамках такого общего понимания концепта предлагаются множественные интерпретации их видов (культурные, личностные, художественные; морфологические, синтаксические, семантические, лексические, фразеологические и т. п.), и даже запущены в оборот понятия «антиконцепт» [21] и «предконцепт» [24]. Изучать концепты стало модно, и если ты этого не делаешь — ты «не в теме». Однако если присмотреться к содержанию многих публикаций о концептах, возникает ощущение *déjà vu*: заменив модное слово *концепт* на ставшее немодным слово *значение* или *понятие*, мы увидим, что в большинстве случаев концептуальный анализ — это добрый старый функционально-семантический анализ, направленный на выявление понятийных полей, структурированных по принципу «ядро — ближняя периферия — дальняя периферия». Как справедливо указывает А. А. Залевская, внимательное рассмотрение публикаций ... по самой разнообразной тематике, приводит к выводу, что чаще всего «концепт» выступает в качестве «модного» слова, синонимично заменяющего привычные (и потому вроде бы потерявшие актуальность) термины «понятие» и/или «значение» [3, 234].

Откуда же пришла мода на концепты, буквально подчинившая себе «когнитивный дискурс» на поле отечественной лингвистики? Что на самом деле вырастает на усердно вспахиваемой концептологической ниве? Не имеем ли мы здесь дело с разновидностью «ветвистой пшеницы», перенесенной на новую (концептуальную) почву?

2. Почему концепты?

Я отнюдь не обвиняю концептологов и примкнувших к ним товарищей в научной недобросовестности. Академик Лысенко искренне верил в возможность выведения ветвистой пшеницы, ибо не располагал достаточным

научным знанием в области генетической наследственности (в этом его беда, а не вина). Как опытный селекционер, он экстраполировал результаты селекционного отбора, которые могут быть весьма впечатляющими, в теоретическую область генетического учения о наследственности, считая, что новый вид можно получить искусственно, путем отбора и скрещивания (так называемое «мичуринское учение»). При чтении обильной литературы на тему концептов невольно возникает впечатление, что исследователи концептов занимаются чем-то очень похожим на скрещивание, выдавая результат за нечто принципиально новое. Но что с чем скрещивается и с какой целью?

У селекционеров скрещивание преследует одну из трех целей, которые могут сочетаться в той или иной степени: производительность (например, повышение урожайности культуры), эффективность использования (например, мул — сильный как лошадь и выносливый как осел), декоративность (выведение сортов и пород, привлекающих своим необычным внешним видом). Результаты деятельности, направленные на достижение этих целей, носят чисто прагматический характер, они востребованы обществом, а потому оправданны (не случайно Сталин, а потом и Хрущев покровительствовали Лысенко). У концептологов скрещиванию подвергаются, с одной стороны, понятия из традиционной области лингвистики, а с другой стороны, понятия из культурологии, антропологии, этнологии, социологии, психологии, нейрологии, эпистемологии и т. д. Сами по себе области пересечения лингвистики с этими науками получили статус отдельных лингвистических дисциплин еще в доконцептуальную эпоху; в зависимости от того, как та или иная дисциплина определяет свой собственный объект, принято говорить об антропологической лингвистике, этнолингвистике, социолингвистике, психолингвистике, нейролингвистике, лингвокультурологии и т. п. Казалось бы, такая ситуация подтверждает междисциплинарность современных лингвистических исследований, способствуя переходу от фрагментированного знания, накопленного в узкоспециальных научных областях, к синтетическому знанию. Но впечатление это обманчивое, поскольку когнитивный горизонт языкознания размыт и не может служить той разделительной чертой, которая отграничивает сферу языкового от неязыкового. Главной причиной этого является неспособность языкознания сконструировать свой собственный объект и дать внятное определение своей предметной области [32; 8; 14] — подтверждением этому и является параллельное существование многочисленных «лингвистик».

Если концептологический анализ «является по своей сути междисциплинарным исследованием» [5, 185], то какую прагматическую задачу он призван решить, и в чем заключается его междисциплинарность? Если в том, что концептуальная нива засеивается терминами типа «лингвоконцептуальный», «ментефакт», «концептуальный смысл» и т. п., призванными уже самой своей формой подтвердить якобы имеющую место интеграцию лингвистики с другими гуманитарными дисциплинами — при отсутствии консенсуса относительно того, в чем специфика объекта каждой из этих дисциплин — то это, скорее, стремление выдать желаемое за действитель-

ное. В таком случае и прагматическая цель концептуальных исследований не может быть четко сформулирована — ведь нельзя же всерьез считать, что цель концептуального анализа — «проследить путь познания смысла концепта и записать результат в формализованном семантическом языке» [23].

Дело еще осложняется тем, что термин «концепт» не имеет четкой дефиниции — в отличие от термина «понятие», на что указывал Ю. С. Степанов [28]. Своеобразная мода на термин *концепт* в научной и художественной литературе рубежа столетий [2] привела к тому, что под концептом понимают (а) понятие, (б) содержательную единицу опыта, структуру знания, (в) значение (слова, словосочетания), (г) смысл. Эта исходная неопределенность термина «концепт» в его соотношении с терминами «значение», «смысл» и «понятие» приводит к тому, что модный концептуальный дискурс пестрит формально-логическими нелепицами и несуразицами, как то: *морфологически передаваемые концепты* [1], *концептуальные смыслы концепта* [19], *взаимодействие концептуальных областей концептов в рамках концептосферы* [7] и т. п. Иногда у одних и тех же авторов можно найти прямо противоположные определения концепта, ср.: «Концепт — квант структурированного знания» [26], и «знания, образующие концепт, представлены и упорядочены в виде компонентов — когнитивных признаков и когнитивных классификаторов» [29]. То ли концепт — это квант знания, то ли знания это кванты концептов — кто разберет? Как здесь не вспомнить обезоруживающее своей лапидарностью изречение Козьмы Пруткова: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий!» Повальное увлечение концептами на этом фоне подобно некоторой заразной болезни, поразившей лингвистическое сообщество (одним из коллег очень метко окрещенной «концептулезом»). Каковы же истоки этой болезни?

Закатившаяся к концу XX в. эпоха структурализма, исчерпав свой потенциал к анализу единиц языка как системно-структурного образования, поставила ряды уже сформировавшихся и еще только начинающих свой путь в науке российских лингвистов в сложное положение: с одной стороны, исследовательская энергия и неизрасходованный творческий потенциал искали выхода, а с другой стороны, выявленные в рамках существующей теоретической парадигмы «факты» языка (единицы, конструкции, категории, значения и т. п.) были уже исследованы и описаны буквально вдоль и поперек. Но, по счастливому совпадению, на западе оформилось новое идеологическое направление в исследовании языка — когнитивная лингвистика (КЛ), появление которой было частью процесса формирования когнитивной науки (КН) как междисциплинарного проекта по изучению природы человеческого разума. Новая идеология всегда характеризуется новшествами в языке, которым она пользуется; они призваны подчеркнуть разницу между «новым» и «старым» подходами к одному и тому же объекту. Вдохновленная, а потом и ослепленная компьютерной метафорой, КН поставила своей целью изучение того, как устроено человеческое сознание **как структура**, которая может быть описана в рамках теории информации

онных систем. А поскольку доступ к сознанию как неявной сущности возможен только через его наблюдаемые проявления, язык стал рассматриваться как именно такое наблюдаемое проявление сознания. Исследование языка с позиций того, какие структуры знания в нем представлены, как они могут быть выявлены, проанализированы и классифицированы, и какие операции над ними можно производить, стало рассматриваться как ключ к пониманию когнитивной способности человека. Так открылись широкие возможности для обсуждения «языковых фактов» под новым углом зрения, вызвав к жизни модный дискурс на тему концептуальных исследований.

Саму по себе такую моду вряд ли стоит рассматривать как зло, если следование ей не переходит границ приличия. В научном сообществе эти границы определяются уровнем требовательности к себе и другим как участникам профессионального дискурса, и этот уровень должен быть достаточно высоким, позволяя, так сказать, отделять зерна от плевел. В противном случае рано или поздно слепое следование чьему-то модному мнению заставит мальчика из толпы крикнуть: «А король-то голый!»

3. Голый король объективного реализма

КН первого поколения исходит в своих теоретических построениях из философии «объективного реализма» (ОР). ОР как научное мировоззрение состоит в том, что наблюдаемый мир, познаваемый через взаимодействия с ним человека и описываемый с помощью языка, существует независимо от субъекта познания: «Предположение, что мир устроен определенным образом независимо от наших репрезентаций того, как он устроен, есть объективный реализм» [39, 32]. Другими словами, реальный мир существует независимо от нас, поэтому каждый приходящий в этот мир человек должен познать его с целью приспособиться к нему, обеспечивая себе необходимые условия для выживания и продления рода. Принято считать, что существенную роль в этом играет язык, позволяющий людям обмениваться имеющейся у них информацией о мире.

ОР обуславливает приоритет, который КН отдает изучению процессов, протекающих в голове/мозге. Впечатляющие успехи в области информационных технологий укрепили веру когнитивистов в то, что человеческий мозг устроен и работает подобно компьютеру, поэтому их усилия направлены на то, чтобы изучить, каким образом мозг обрабатывает поступающую в него информацию из внешнего мира, порождая на выходе структуры знания, облеченные в языковую форму. Тем самым априорно постулируется существование в мозгу некоторого программного модуля, структура и функциональные особенности которого определяют то, что получается на выходе – например, языковые единицы и структуры, а само предназначение сознания видится в репрезентации так называемой объективной реальности, которая, преломляясь в сознании, репрезентируется в языке. Это — когнитивизм «главного направления», но, тем не менее, это *вульгарный когнитивизм*, не учитывающий того, что человек и все, что ему свойственно — это,

прежде всего, *живая система*, и всякое изучение когнитивной способности должно исходить из этого. Но именно этого лингвистика в различных своих ипостасях, включая и (лингво)концептологию, не делает. Парадокс состоит в том, что, конструируя свой объект, эти научные дисциплины не ставят во главу угла феномен человека именно как живой системы [15], продолжая рассматривать когнитивные структуры как некие объекты, «прячущиеся» за языковыми формами [см.12]. Хотя многие авторы пишут о концептуальных структурах как чем-то существующем в сознании, «оперативной единицей» которого является концепт, природа и функция сознания для ОР продолжают оставаться нерешенной проблемой, а изучение концептов в условиях, когда не определено само понятие концепта, имеет сомнительную научную ценность.

Определение КЛ как науки, изучающей способы получения, обработки, хранения и использования вербализованных знаний, стало настолько тривиальным, что пишущие на эту тему авторы редко задаются вопросом о том, что же представляет собой знание вообще, и вербализованное знание в частности, и в чем состоит механизм «вербализации». Идея «вербализации» знаний предполагает их существование в «невербализованном» виде, но вопрос о том, что представляет собой «невербализованное» знание, в традиционной философии познания не получает ответа. Хотя сам по себе результат всякого процесса не может быть не чем иным, как новым состоянием элемента системы или всей системы, в которой этот процесс протекал, знание обычно рассматривается как некий продукт, т. е. как вещь, над которой можно проделывать различные манипуляции. Подобное опредмечивание знания есть следствие опредмечивания языка как автономной системы, существующей «где-то там», в «объективной реальности».

Используемый КЛ понятийный аппарат прочно связывает ее познавательные установки с философской традицией аналитизма, в рамках которой рационалистическая теория познания не может быть охарактеризована иначе, как чисто спекулятивный проект [10]. Давно назрела необходимость отказа от предметного понимания языка и знания. Подход к знанию как состоянию, характеризующему человеческий организм как структурно детерминированную систему, идея «живого знания» [31], «знания-как-действия» [36], связанного с ориентированием в мире, предполагает, с одной стороны, междисциплинарность исследовательских проектов, направленных на *постижение сущности человека как феномена*, а с другой стороны, интеграцию и синтез знаний, уже накопленных в разных научных отраслях и призванных *служить руководством к действию* в мире, частью которого является человек [13]. Именно в этом состоит прагматичность биологически ориентированной КН (или КН третьего поколения) как междисциплинарного проекта [38], и именно поэтому отечественная КЛ должна переориентироваться с изучения виртуальных объектов типа концептов на изучение языка как когнитивной (адаптивной) деятельности сложной динамики, протекающей в консенсуальной области взаимодействий. Для этого надо найти смелость признать, что королевские одежды, в которые облачен ОР — химера, порожденная нашей областью языковых описаний, но химера, в которую

мы прочно уверовали и которую боимся потревожить. Тех же, кто пытается это сделать — как в случае с биологией познания У. Матураны [см. 4] — картезианская философия обвиняет в метафизическом идеализме, а лингвисты-структуралисты — в отрицании взгляда на язык как феномен действительности, обладающий набором каких-то свойств, позволяющих рассматривать его вне конкретного носителя [30]. Но именно это стремление рассматривать язык как феномен действительности, существующий вне конкретного носителя, это «нежелание изменить образ мыслей» [35], помноженное, по Пруткову, на «усердие, которое превозмогает рассудок», и привело к тому, что ортодоксальная лингвистика оказалась стерильной в своих попытках произвести жизнеспособную практичную теорию, которая позволила бы приблизиться к пониманию языка как важнейшего человеческого свойства. А ведь «сущность человека покоится в языке» [33, 259].

4. Заключение, или: *Зри в корень!*

Означает ли все вышесказанное, что я выступаю против концептов и их изучения? Конечно же, нет. Но я решительно против того, чтобы пытаться вырастить «ветвистую пшеницу», не располагая для этого достаточными научно обоснованными (т. е. обоснованными с точки зрения биологии) доводами в пользу возможности такого выращивания. Прежде чем ставить перед собой задачу изучения концепта как структуры знания или оперативной единицы сознания, надо определиться с тем, что есть знание не в смысле овеществленной и хранящейся где-то информации, как это предполагает философия ОР, а в смысле знания-как-действия, осуществляемого живой системой: всякое действие есть познание, и всякое познание есть действие [20]. Главным же видом деятельности для человека являются языковые взаимодействия в его когнитивной области [16]. В этом контексте проблема определения концепта должна рассматриваться как проблема определения эмпирической сущности обозначенного этим термином явления, которое хотя и становится доступным (в виде реконструкции) для анализа благодаря языку, тем не менее, не является собственно языковым феноменом в традиционном понимании языка как кодовой системы коммуникации. Как структура живого знания, концепт с необходимостью должен объединять в себе все аспекты когнитивной деятельности человека, поэтому в нем присутствуют и перцептивная (включая эмоциональную), и сенсомоторная, и языковая составляющие. Именно по этой причине какие-либо выводы о структуре концепта и его характеристиках, полученные в результате только лишь семантического анализа языковых единиц и структур, не могут дать представления о действительном устройстве концепта как оперативной единицы сознания.

Нельзя забывать, что концепт — это, прежде всего, теоретический конструкт, позволяющий моделировать структуру сознания как освоенного организмом знания. Следовательно, любой анализ концепта предполагает определенность таких базовых понятий, как *знание* и *сознание*. Знание есть способность к научению через опыт [17]. Опираясь на внутреннюю форму

слова, *со-знание* (лат. *com-scire* 'знать вместе') можно охарактеризовать как осознание наличествующего совместного знания. Сознание в человеке «просыпается» тогда, когда он обнаруживает у себя способность получать доступ к хранящемуся в мозге (в виде участков относительной нейронной активности) категоризированному опыту *взаимодействий с другими* и проделывать над ним определенные операции.

Сознание и язык оба имеют опытную природу [34]. Опыт возникает из взаимодействий со средой, при этом язык — важнейшая часть среды. Одно из главных положений учения Л. С. Выготского состоит в том, что, научившись языку, ребенок переходит к новому способу мышления. Следовательно, *сознание включает в себя язык*, и по этой причине оно, как понятие, относится скорее к человеческому виду в целом, нежели к отдельному индивиду [37]: индивидуальное человеческое сознание, формирующееся в динамических отношениях между собой и другими, изначально имеет *межсубъектный характер* [40]. Именно такой подтекст видится мне в словах, сказанных Ю. С. Степановым [27, 40]: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее». Применительно к проблеме определения сущностных свойств и характеристик концептов необходимо понимать, что пока принятый на вооружение исследовательский метод не будет естественным и органичным образом учитывать *биологические* свойства и характеристики человека как познающего мир существа, исходя из того, что *познание — это живой процесс*, скольконибудь серьезного прогресса в этом направлении ожидать не следует. До тех пор, пока этого не произошло, всевозможные рассуждения о концептах, их свойствах, структуре и функционировании будут оставаться тем, что они представляют собой сегодня: модным дискурсом на незаданную тему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беседина Н. А. Концептуальное пространство морфологии // Кубрякова Е. С. (ред.). Концептуальное пространство языка. – Тамбов: Изд. ТГУ им. Г.Р.Державина, 2005. – С. 149—156.
2. Демьянков В. З. *Понятие и концепт* в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – № 1(7). – С. 35 – 47.
3. Залевская А. А. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005.
4. Имото С. Философское основание теории восприятия У. Матураны // А. В. Кравченко (ред.). Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы (*Studia linguistica cognitiva*. Вып. 1). – М.: Гнозис, 2006. – С. 8—19.
5. Карасик В. И. Здравый смысл как лингвокультурный концепт // Кубрякова Е. С. (ред.). Концептуальное пространство языка. – Тамбов: Изд. ТГУ им. Г.Р.Державина, 2005. – С. 184—203.
6. Карасик В. И., Стернин И. А. (ред.) Антология концептов. – Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005.
7. Колижук Л. В. Взаимодействие концептуальных областей концептов «family» и «home» в рамках концептосферы «межличностные отношения» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Вып. 14. – Владикавказ: Изд. СОГУ им. К.Л.Хетагурова, 2012. – С. 91—100.

8. Кравченко А. В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология (к вопросу об идеальном проекте языкознания) // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60, № 5. – С. 3—13.
9. Кравченко А. В. Место концепта в соотношении языка, сознания и мышления // Жанры речи: Жанр и концепт. – Вып. 4. – Саратов: Колледж, 2005. – С. 84—102.
10. Кравченко А. В. О познавательных установках науки о языке // Вестник КазГЮУ. – Серия «Филологические науки». – 2010. – № 10. – С. 62—73.
11. Кравченко А. В. Что изучает концептология? // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. Материалы 1-й междунар. конф. 5—7 окт. 2011. – Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2011. – С. 248—251.
12. Кравченко А. В. Что такое «когнитивная структура», или об одном распространенном заблуждении // Когнитивные исследования языка. – Вып. 9: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. – М.; Тамбов, 2011. – С. 96—104.
13. Кравченко А. В. «Репрезентация мыслительных структур в языке» как тема научного дискурса // Когнитивные исследования языка. – Вып. 12: Теоретические аспекты языковой репрезентации. – М.; Тамбов: ИЯ АН; ТГУ им. Г.Р.Державина, 2012. – С. 205—216.
14. Кравченко А. В. К обоснованию идеального проекта лингвистики: интеграция языка, семиотики и биологии // Гуманитарные чтения РГГУ — 2012: Теория и методология гуманитарного знания. – М.: РГГУ, 2013. – С. 285—294.
15. Кравченко А. В. Коммуникация и язык: некоторые соображения о предметной области коммуникативистики // НИР: Современная коммуникативистика. – 2013. – № 2. – С. 4—9.
16. Кравченко А. В. Биологическая реальность языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1 (в печати).
17. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме. Избр. философ. соч.-я. – Т. 1. – М.: Соцэргиз, 1960.
18. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: (Уч. пос.). – Минск: ТетраСистемс, 2005.
19. Маслова В. А. Концепт как способ изучения культуры через язык // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Вып. 14. – Владикавказ: Изд. СОГУ им. К.Л.Хетагурова, 2012. – С. 20—25.
20. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 95—142.
21. Медведева А. Г. Лингвистические средства выражения непонимания в речевом взаимодействии говорящего и слушающего в английском языке. Дисс. ... канд. филол. н. – Иркутск, 2004.
22. Мишатина Н. Л. Методика и технологич речевого развития школьников: лингво-концептоцентрический подход. – СПб: Сага-Наука, 2009.
23. Палеева Е. В. Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2(8).
24. Петриченко О. А. К проблеме определения понятия «предконцепт» // М. В. Пименова (ред.). Новое в когнитивной лингвистике. – Кемерово, 2006. – С. 76—80.
25. Пименова М. В. Парные, бинарные и эквивалентные концепты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Вып. 14. – Владикавказ: Изд. СОГУ им. К.Л.Хетагурова, 2012. – С. 125—133.
26. Попова З. Д., Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Карасик В. И., Стернин И. А. (ред.) Антология концептов. – Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 7-10.
27. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997.
28. Степанов Ю. С. О термине «концепт» // Е. С. Кубрякова (ред.). Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М. — Калуга: Эйдос, 2007. – С. 19—26.
29. Стернин И. А. Типы значений и концепт // Кубрякова Е. С. (ред.). Концептуальное пространство языка. – Тамбов: Изд. ТГУ им. Г.Р.Державина, 2005. – С. 258—282.
30. Трофимова Е. Б. Статус языка в концепции У. Матураны // А. В. Кравченко (ред.). Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы (Studia linguistica cognitiva.

- Вып. 1). – М.: Гнозис, 2006. – С. 20—30.
31. Франк С. Л. Живое знание. – Берлин, 1923.
32. Фрумкина Р. М. Самосознание лингвистики — вчера и завтра // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – Т. 58, № 4. – С. 28—38.
33. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. («Путь к языку», сс. 259—273).
34. Bartsch, R. Consciousness Emerging: The dynamics of perception, imagination, action, memory, thought, and language.– Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2002.
35. Glasersfeld, E. von. The reluctance to change a way of thinking // Irish Journal of Psychology, 9(1). – 1988. – P. 83—90.
36. Glasersfeld, E. von. Radical Constructivism: A way of knowing and learning. – London: Falmer Press, 1995.
37. Järvillehto, T. Consciousness as co-operation // Advances in Mind-Body Medicine, 16. – 2000. – P. 89—92.
38. Kravchenko, A. V.. Reassessing the project of linguistics // J. Zlatev, M. Andrén, M. J. Falck, and C. Lundmark (Eds.), Studies in Language and Cognition. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. – P. 27—42.
39. Searle, J. R. Mind, Language and Society: Philosophy in the real world. – New York: Basics Books, 1998.
40. Thompson, E. Empathy and consciousness // Journal of Consciousness Studies, 8(5–7). – 2001. – P. 1—32.

Стаття надійшла до редакції 10.02.2013 р.